

Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 103—115.

Woman in Russian Society. 2026. No. 1. P. 103—115.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

EDN: <https://elibrary.ru/nqnsxn>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.1.7

**«СОХРАНИ МОЮ РЕЧЬ НАВСЕГДА»:
ЖЕНСКИЙ ГЕРБАРИЙ БЕССМЕРТИЯ**

Александр Викторович Марков¹, Оксана Александровна Штайн²

¹Российский государственный гуманитарный университет,

г. Москва, Россия, markovius@gmail.com

²Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,

г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье предлагается оригинальный подход к осмыслению места женщин в творчестве и биографиях известных русских писателей и философов (Исаака Бабеля, Михаила Булгакова, Николая Бердяева, Осипа Мандельштама, Дмитрия Мережковского) через ботанические метафоры. Каждая фигура ассоциируется с определенным растением, раскрывающим суть их личности и наследия: Бабель — платан, Булгаков — липа, Бердяев — дуб, Мандельштам — ива, Мережковский — лавр. Этот метод вдохновлен работами Майкла Мардера («Растения философов: интеллектуальный гербарий») и Ольги Кушлиной («Русская литература, прочитанная носом»), где растения и запахи становятся инструментами анализа культуры. Статья показывает, как ботанические образы помогают заново прочитать тексты и судьбы: Антонина Пирожкова (жена Бабеля) сравнивается с антоновкой, Елена Булгакова — с нарциссом, Надежда Мандельштам — с бузиной и т.д. Через эти метафоры раскрываются темы памяти, творческого долга, любви и выживания в эпоху репрессий. Авторы доказывают, что растения — не просто символы, но живые свидетели истории, связывающие литературу, философию и личный опыт.

Ключевые слова: ботаническая метафора, русская литература, философия, память, творчество, репрессии, биография, гербарий

Для цитирования: Марков А. В., Штайн О. А. «Сохрани мою речь навсегда»: женский гербарий бессмертия // Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 103—115.

Original article

**“SAVE MY WORDS FOREVER”:
WOMEN AS A HERBARIUM OF IMMORTALITY**

*Alexander V. Markov*¹, *Oksana A. Shtayn*²

¹Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation, markovius@gmail.com

²Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation, shtaynshtayn@gmail.com

Abstract. The article presents an original approach to interpreting the role of women in the works and biographies of prominent Russian writers and philosophers (Isaac Babel, Mikhail Bulgakov, Nikolai Berdyaev, Osip Mandelstam, Dmitry Merezhkovsky) through botanical metaphors. Each figure is associated with a specific plant that reveals the essence of their personality and legacy: Babel as a plane tree, Bulgakov as a linden, Berdyaev as an oak, Mandelstam as a willow, and Merezhkovsky as a laurel. This method draws inspiration from Michael Marder’s “The Philosopher’s Plant: An Intellectual Herbarium” and Olga Kushlina’s “Russian Literature Read Through the Nose”, where plants and scents serve as tools for cultural analysis. The article demonstrates how botanical imagery offers a fresh perspective on texts and destinies: Antonina Pirozhkova (Babel’s wife) is compared to an Antonovka apple, Elena Bulgakova to a narcissus, Nadezhda Mandelstam to an elderberry etc. Through these metaphors, themes of memory, creative duty, love, and survival in the era of repression are explored. The authors argue that plants are not just symbols but living witnesses of history, connecting literature, philosophy, and personal experience.

Key words: botanical metaphor, Russian literature, philosophy, memory, creativity, repression, biography, herbarium

For citation: Markov, A. V., Shtayn, O. A. (2026) «Sokhrani moi rech' navsegda»: zhenskii gerbarii bessmertiiia [«Save My Words Forever»: Women as a Herbarium of Immortality], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 103—115.

В статье предлагается необычный подход к анализу творчества и личности русских писателей и философов через призму ботанической метафоры. Этот метод восходит к двум прецедентам. Майкл Мардер [Мардер, 2025] исследует связь философской мысли с растительным миром, утверждая, что растения — не просто фон для абстрактных концепций, но активные участники интеллектуальной истории. Он показывает, как метафизические системы могут быть переосмыслены через ботанические аналогии, выявляя скрытые аспекты философских учений. Например, Платон ассоциируется с платаном, Гегель — с виноградом, а Люс Иригарей — с водяной лилией. Ольга Кушлина [Кушлина, 2000] предлагает «ароматическое» прочтение поэтических корпусов, связывая запахи с эпохами и авторами. Ее работа напоминает гербарий, где каждая страница — это не только текст, но и материальный носитель запаха, подобранный с долей иронии и ученой игры (мирра для Псалтири, лаванда для XVIII века, роза для Пушкина, деготь для Некрасова).

Растения в этой статье становятся метафорой судьбы, творчества и личности: Платан Бабеля — символ наготы и бесстыдства, дерево без коры, как писатель, обнажающий правду. Антоновка Пирожковой — яблоня, сочетающая плодородие и кислотоватую стойкость, как жена, сохранившая наследие мужа. Липа Михаила Булгакова — дерево городское, гибкое, но оставляющее след (как сургуч от печати). Нарцисс

Елены Булгаковой — цветок, соединяющий яд и красоту, как ее двойственная роль: муза и хранительница рукописей. Дуб Бердяева и смородина Лидии Бердяевой — мощь философа и сочная, но дисциплинированная ягода его спутницы. Ива Мандельштама и бузина Надежды Мандельштам — гибкость поэта и ядовито-целебная стойкость вдовы. Лавр Мережковского и водяная лилия Гиппиус — вечнозеленый лавр мужчины-мыслителя и цветок без стебля, живущий в симбиозе.

Зачем нужен такой подход? Прежде всего, для понимания женского вклада в литературный процесс и социальные дискуссии необходима тактильность метафоры. Растения делают абстрактные идеи осязаемыми. Читатель не просто узнает о Булгакове, но чувствует его через хрупкость липы и дурманящий аромат нарцисса. Вместо сухого перечисления фактов биографии или литературных приемов — живая образность, которая и раскрывает механизмы культурной памяти как интенциональные, направленные на сохранение самого дорогого для писателей и мыслителей, а не просто того, что оценивается как наследие. Как у Мардера философы «прорастают» в своих идеях, так и здесь писатели укоренены в своей эпохе, но их влияние ветвится в будущее. Как у Кушлиной запахи хранят эпохи, так и здесь растения становятся консервантами памяти — о Бабеле, Булгакове, Мандельштаме.

Этот текст — филологический гербарий, где каждый писатель — засушенный цветок, сохранивший аромат своей эпохи. Мардер призывает вернуться к природным корням мысли поверх условностей цивилизации, Кушлина пытается уловить запах времени. Но во всех случаях наследие — это не предмет социальных манипуляций, но сердцевина опыта, которая требует не только условного зрения, но и других чувств для понимания. Тогда будет понятна социальная функция женщин как хранителей наследия, которая иначе оказывается только набором частных решений и ситуаций контроля, обоснования или убеждения. Растения становятся ключом к пониманию не только творчества, но и судьбы.

Бабель был бесстыдница. Платан — дерево Одессы (бесстыдница) без коры, кожи и кожуры, как тело улитки без панциря. Природно нагое, но не обнаженное, соли морского ветра подставляющее лицо и руки, собирающее подростково неказистые веснушки, старческие пигментные пятна и просто взрослые бородавки. Платаны приземистые и щетинистые, о возрасте забывшие за перебором прибрежных коллекций и потому разучившиеся стыдиться. Это Бабель.

Антоновка. Русское имя Антонина от лат. *Antoninus* — букв. «принадлежащий Антонию» или от греч. ἄνθος — цветок. Цветущая яблоня давно стала символом победы и семейной радости. Яблоня укрывает, кормит и, конечно, воодушевляет своей кроной, запахом, закружив и закутав в майском снеге лепестков.

Антонина Николаевна Пирожкова всю жизнь принадлежала своему Антонию — Исааку Бабелю. Родом из Томской губернии, она, как и растущие там саженцы «антоновки обыкновенной», была высокоплодородной и работоспособной; подходила для зоны рискованного земледелия; проектируя метро, была терпима к неустойчивым холодным зимам и знойным летним дням. Даже после нормированного цифрой рабочего дня, 26 часов из 24 в сутках, в статусе «жена врага народа», она сохраняла яркий бодрящий сочный вкус с избытком кислоты; и цвет, переходящий от онтологически устойчивого зеленого лета к спокойно-соломенному по осени.

Она была яблоней небесной красоты и высокого интеллекта. После окончания Томского технологического института им. Ф.Э. Дзержинского работала в Конструкторском бюро Кузнецкстроя, а переехав в столицу в 1934 году, поступила на службу в Метропроект. Это действительно можно было назвать службой, стражей, изо всех сил, — потому что работать в военном режиме наравне с мужчинами было тяжело.

Молодая-красивая-высокая-статная женщина — как и лучшие яблоки антоновки, с сочной мякотью средней плотности, невероятно душистой и слегка кисловатой. Эти яблоки при всей простоте и непримотливости обладают элегантным вкусом, знакомым только высоким гурманам, которых ты можешь и не встретить за всю свою жизнь.

Антонина Николаевна была инженером-конструктором и проектировщиком самых известных станций Московского метрополитена: «Маяковская», «Павелецкая», «Арбатская», «Площадь Революции». Она не только строила, но и воспитывала смену поколений строителей, созидателей, изобретателей прочнейших сводов из металла и сводов текстов. Преподавала и известна как автор единственного учебника по строительству тоннелей и метрополитенов.

В 1932 году состоялась великая встреча, определившая дальнейшую жизнь Антонины. Встреча с Исааком Бабелем. Они прожили вместе полные 7 лет — и все оставшиеся 70 лет жизни, в десять раз больше совместно прожитого, она собирала архивы, воспоминания, поднимала материалы, писала о нем книги и статьи в журналах, она была историком Бабеля и «сохранила его речь навсегда».

Исаака Бабеля арестовали в 1939 г., а расстреляли в 1940 г., но Антонина не знала о смерти мужа. Она писала письма, делала запросы и получала ответы, что Бабель находится в заключении на стройках народного хозяйства в Сибири. Спустя 15 лет после того ареста сам Климент Ворошилов подтвердил ей смерть Бабеля. При обыске архив Бабеля был изъят, он до сих пор не найден, и Антонина Николаевна воссоздавала творчество в одиночку. Она стала формировать невидимый музей сама, собирала воспоминания его современников, вошла в Комиссию по литературному наследию мужа, написала две книги о нем. В столетнем возрасте она согласовывала проекты памятника Бабелю.

И все же у них было общее: платан без коры и кожица антоновских яблок очень тонкая, почти прозрачная. «Я не стану делать выводов. Мне не до них» [Бабель 1991: 178].

Булгаков был липа, высаженная митрополитом Киевским Петром Могилой в 1635 году у Десятинной церкви. Женское, жеманное дерево с гладкой темно-серой корой. Дерево осторожное и книжное, напоминающее об экзаменационной поре во время цветения. Михаил Афанасьевич всегда был гладко выбрит и даже в голодные времена послереволюционной осени писал свои записки на накрахмаленных манжетах. Они хрустели. Записки и манжеты. Липа легко приживается в городской среде и переносит загазованный воздух. Ее психика податлива, а мягкая плоть позволяет делать из нее печати, которые впечатывают сургуч и горячий воск, имена на лбу и символы на плечах на века. Это Булгаков.

«Ты совершишь со мной последний полет», — обратился он к Елене Сергеевне Шиловой, жене, которая не только совершила с ним лучший полет в его жизни, но описания этого полета донесла до музеев, библиотек и всецелой мысли последующих

поколений. Именно здесь сбылась мечта русской религиозной философии о соборности духа, когда рукописи не горят, а слово не удешевляется. При ней был написан роман, после чего Булгаков умирал с уверенностью совершенного литературного долга. «Отвратительно тревожные желтые цветы», с которыми вышла Маргарита на прогулку, могли быть нарциссами. Нарцисс с лентообразными, как шляпки Маргариты или Елены Сергеевны, листьями. С лепестковым околоцветником в форме трубчатой исторической воронки, в которую с головой попала страна. В жерле которого, как в жерле вулкана, расположилась коронка как бы нежным колокольчиком чувствительности.

Чувство Михаила Афанасьевича и Елены Сергеевны Булгаковых было как аромат нарцисса, дурманяще-сладкое с самого момента встречи в 1929 г. «Это было быстро, необыкновенно быстро, во всяком случае с моей стороны, любовь на всю жизнь», — писала Елена Сергеевна [Булгакова 1990: 14]. Тогда Елена Сергеевна была замужем второй раз за Евгением Александровичем Шиловским. «Муж ее был молод, красив, добр, честен» — такая характеристика подошла бы воспитаннику кадетского корпуса, крупному военачальнику Красной армии, но это была характеристика мужа Маргариты. Дурманящий аромат цветка, родственник слову «наркоз» (греческая этимология, на которую обратил внимание М. Маклюэн [Маклюэн, 2003: 50—52]), оцепенил, обездвижил обе семьи с разных сторон встречи.

Елена Сергеевна проявила смелость в решении при уходе от спокойной налаженной жизни с Шиловским в бездомную рискованную жизнь Мастера, — вероятно, от того, что тоска по полету, пусть и по другую сторону моральных обстоятельств, зрела в ней давно. За 6 лет до встречи с Булгаковым она писала сестре Ольге Николаевне: «Ты знаешь, как я люблю Женю моих, но все-таки я чувствую, что такая тихая семейная жизнь не совсем по мне... Ничего меня дома не интересует, мне хочется жизни, и я не знаю, куда мне бежать, но хочется очень» (октябрь 1923). Или: «Брожу одна по улицам» (ноябрь 1923).

Женщина, «тайный друг», как называл ее Михаил Афанасьевич, имела двоих сыновей и пыталась противостоять близости с Булгаковым, — но бывают необратимые встречи. Двадцать, по словам Елены Сергеевны, месяцев они не виделись. 1 сентября 1932 года она вышла на прогулку и встретила Мастера «Я не могу без тебя жить», — сказал он, и Елена Сергеевна, нет, не Маргарита, хотя тут страницы романов сплетены, ответила: «И я тоже». 4 октября 1932 года они обвенчались. С 1933 по 1940 г., годы их брака, создавался роман «Мастер и Маргарита», и для него нужен был не только Мастер, но и Маргарита. Это был их первый и последний совместный полет.

8 лет совместного творчества и 30 лет без него жила Елена Сергеевна, будто рождаясь заново как Булгакова, сохраняя, печатая рукописи своего умершего мужа. По ту сторону моральных обстоятельств, но по эту сторону долга впервые рождаются собой. Победа Елены Сергеевны. Булгаков появляется в стране. Оттепель сквозь снежные заносы и хрустящий наст публикует его произведения. 1962 — «Жизнь господина де Мольера», 1963 — «Записки юного врача», 1966 — «Белая гвардия» в издании «Избранной прозы», 1966 — «Мастер и Маргарита» в журнале «Москва».

Масло нарцисса употребимо не только в медицине, но и в парфюмерии. Сама Елена Сергеевна манила литературным врожденным вкусом, стилем и почерком, как запахом своего и только своего, собственного как всегда вновь обретенного. Она

переводила с французского и публиковала романы Ж. Верна и А. Моруа, составляла сборник воспоминаний о Мастере, искала мемуаристов, записывала, правила труд «Современники о Булгакове», помогала именитым и начинающим писателям со статьями и рассказами о Михаиле Афанасьевиче: работала с А. Лессом («Непрочитанные страницы о Булгакове»), К. Паустовским («Булгаков и театр» и «Снежные шапки»).

Она творила его имя: ведь Нарцисс — сын речного бога Кефиса и нимфы Лириопы. Прорицатель Тиресий предсказал ему долгую жизнь, если только он себя не увидит. Для Елены Сергеевны было существенно одно, чтобы Булгакова увидели в море литературы. Этот цветок не для вазы, его нельзя ставить в одну воду с другими цветами, будь то даже роза. С нарциссом нельзя сажать на одной грядке другие растения. Нарцисс, как и все полнолунное, как и все потустороннее, содержит в себе яд ликорин.

У Михаила Афанасьевича Булгакова нет креста на могиле. Всю оставшуюся после его ухода «на покой» жизнь Елена Сергеевна посещала его могилу нарядная. Она приходила в гости и возвращалась просветленная, его свет нужен был ей. Его свет был ее светом, ее становлением и светом в становлении, божественным нарциссизмом полудня и божественным единством полнолуния. Это были встречи, свидания. Она не знала покоя, она знала свет и дело просвещения во имя его в русской литературе. В своей русской литературе, в русской литературе как она есть, в *своем собственном* русской литературы, пользуясь выражением В. Бибикина [Бибикин, 1997]. После отпевания и кремации самой Елены урну с прахом захоронили рядом с Михаилом Афанасьевичем. Они вместе. Мастер и его Королева. «Королевушка моя, моя царица, звезда моя, сиявшая мне во всей моей земной жизни», — писал он ей, не загадывая, что и после его земной жизни звезда также будет сиять и освещать, и возможны будут нарциссы к его камню на могиле и к липе, цветущей в июльские дни медовыми лепестками цвета холодного заката, белого вина, лимонных долек, самих нарциссов — как собственным цветом.

Бердяев был дуб. Вековая мудрость, сваи Венеции, границы Красной площади, дикое ожерелье Москвы. Дуб — выносливость, мощь и слава, дубовая ветвь обозначает военные различия. Первая и Вторая мировые войны, революция — все он это слышал в ветвях дуба Александровского сада около Боровицкой башни, даже когда жил уже в Париже. Дуб — убежище порядка двадцати видов животных. Он был беженец, вечный странник. Это Бердяев.

В его саду Лидия была смородина, сочная, пышная смородина. Смородина, как гортензия, бывает семейными кустами и разных оттенков. «Рай может быть только в саду» [Бердяева, 2002: 53], — писала она в своих дневниках, которые вела с 1934 по 1945 г. Ягода августовская. Люди, родившиеся в августе, светятся светом медового, яблочного и орехового Спасов. Она — луч Света Невечернего:

Когда тоска и мрак вокруг,
И тайно замыкая круг,
Я зажигаю свет над тьмой,
Свет Невечерний, мой.
(1945)

Родилась 20 августа 1871 года, получила образование в частной женской гимназии, писала письма Льву Толстому и получала ответы, была религиозна. Примерная католичка, мистик, почитательница Франциска и Терезы, дисциплинирующая откровения, как и положено женщинам-мистикам. В молодости участвовала в работе социал-демократического рабочего союза ремесленников. Была арестована, сидела в тюрьме. После освобождения жила с сестрой Евгенией в Париже, брала уроки живописи и скульптуры, вольную волю давая не своей, а чужой каменной пластике. Вернувшись в Россию, вступила в РСДРП, отбыла второе заключение, но даже в тюрьме заказывала Надежде Исакович кофточки, шелковые юбки и цветы. Она избирала все приятное, но также *не считала ничего своим*, но только эпизодом Преображения. Это была вся ее ягодная суть. Августовская смородина полна сока, прозрачна и целебна даже в листьях. Она бывает красной, черной и золотисто-прозрачной. Так и эта женщина, принимала все цвета, окрашивающие мировоззрение, до небывалой ясности, сохраняя в себе семена идей. Яркое она делала ясным, и этого хватало больше, чем на одну жизнь. До встречи с Николаем Александровичем Бердяевым имела фамилии Трушева и Рапп. Имела уже две жизни: два плодоносных августа.

К встрече с философом своей жизни она шла весь свой путь. Во сне и в демонстрациях, на кружках и под сводами тюрьмы, изучая живопись в Париже и запоминая проповеди. Встретившись с философом, она сделала имя столь же загадочным, сколь и памятным, публиковалась под таинственным именем Лидия Литта, таким, которое может запомнить только август:

Из серебряно-хрустальной
лейки
льется лунная вода...
Под деревьями,
на кружевной скамейке
девушки из голубого льда.
(Каприччио № 2)

Ее стихи сравнивали со стихами Софьи Парнок, Поликсены Соловьевой и Аделаиды Герцук.

Он называл ее «Дусык», а она его «Ни». После 1922 г. они два года прожили в Берлине, переехали в Париж, с 1938 г. жили в своем доме, который гости называли «Ясная Поляна»: там почти ежедневно собиралась интеллигенция, эмиграция, участники русского католического движения, благотворители, редакторы журналов, писатели, философы. Каждый день был расписан встречами, приемами и вечерними чтениями. Да, читать вслух было единственным долгом в этом быту, остальное могло быть очень тяжелым, и в этом всегда был срыв на грани импровизации. Смородиновый лист отрывался и заваривался для семейного чтения. «Я какой-то духовный пролетариат, нет у меня потребности в родине, в семье, в быте» [Бердяева, 2002: 19], — писала она.

Ее дневники 1934—1945 гг. дополняли его «Самопознание», это было самопознание на практике, модель идеального глаза в стенах не лаборатории, но кухни, троянский конь, выпущенный на луг.

Мне снилась русская зима,
Сугробы снега в переулках,
Ползьев хруст морозно-гулкий,
Москва, закутанная в снег.

Они все жили во снах с морозной Москвой, всю жизнь им снились декабрьская метель, январский ветер, февральская пурга.

Писать, думать и молиться. Она занималась благотворительностью, принимала гостей, поддерживала силы Философа эпохи. «Церковь для меня — это таинство» [Бердяева, 2002: 65], жизнь, открытая всем, но «люди создали на земле такой порядок, где основой жизни является борьба одних против других, а не взаимопонимание» [Бердяева, 2002: 92]. Понять для нее — это не простить, а предельно открыться.

Свой дом сделали маленьким раем, куда приходили души потерянных, хворых, странников, юродивых, бездомных, талантливых, одиноких, успешных. «Все мы держимся только духовной внутренней дисциплиной. Иначе не выдержали бы давно всего, что нами пережито» [Бердяева, 2002: 100]. Она считала счастьем проведенные с Философом 30 лет жизни, создавая среди густого тумана грянувшей политической борьбы свое вдохновение:

Ландыши продают
Белые-белые...
А вокруг улицы
Ошалелые.

Улицы Парижа нагнетали страх, потом были оккупированы. Лидия Юдифовна Бердяева говорила, что «любить труднее всего ближних, а не дальних. Дальних — это всегда нечто отвлеченное, смутно-туманное. А ближние перед нами со всеми своими и слабостями, и пороками» [Бердяева, 2002: 94]. После 1960 года, смерти ее сестры Евгении Юдифовны Рапп, дневники Лидии Бердяевой были переданы в отечественные архивы. Это фотографии времени, фотографии ее мужа, фотографии истории. Елена Владимировна Бронникова, написавшая введение к книге, охарактеризовала «фотографичность» записей [Бердяева, 2002: 22], имея в виду вырванные фрагменты дня, наподобие кадров киноленты:

Приходи ко мне, тишина,
В час, когда вянут желанья.
Приходи, сядь у ног...
Из лиловых роз молчанья
Мы сплетем венки.

(1915)

Мандельштам был ивой. Чердын — поселение, выросшее в устье реки. Плакучая ива растет во влажной почве. Она полна слез. Гибкое и неприспособленное в повседневности тело Мандельштама, с которым он не знал, что делать, и антисептическая душа делали древесину ивы равноплотной. Символ разлуки, ивовый прутик ломали на прощание с любимыми, чтобы звук памяти был тоньше любой струны. Светлая грусть, правильно настроенная душа, которая равновелика всему воздуху. «Там на ивах мы повесили наши арфы» (Пс. 137). Звон комариный, звон на всю страну. Это Мандельштам.

«Сохрани мою речь навсегда» — это скудное и святое наследство получила Надежда Яковлевна Мандельштам. «Зрачок в небесной корке / Обращенный вдаль и ниц», — какая это ягода, с плотной кожей, шершавая и стойкая?

«Она самая счастливая вдова», — говорила о Надежде Яковлевне Анна Андреевна Ахматова. Надя Мандельштам пробыла вдовой 42 года, 19 лет прожила в союзе взгляда и смысла с Осипом Эмильевичем и «сохранила его речь».

Посаженная на могиле умершего бузина обозначает покой души в загробной жизни. Бузина — дерево одухотворенное, ягоды же его имеют пасленовый вкус, средиземноморский виноград в центре страны, но если их употреблять в сыром виде, то живущий в них алкалоид вызывает отравление. Термически же обработанная ягода бузины может стать джемом, желе, сиропом: «Летом 1924 г. Осип Эмильевич привел ко мне свою молодую жену. Надюша была то, что французы называют *laide mais charmante*» (Анна Ахматова. Листки из дневника) [Мандельштам, 1993, т. 1: 16]. Чернофиолетовая черная костянка, бузина кисловата и сладка, она *сама себе хвала*, и нужна для приготовления ликеров, экстрактов из судеб рядом с военными астрами.

Наденька Хазина встретила поэта Мандельштама 1 мая 1919 года и увидела в его взгляде себя, а в своем взгляде — его. У них не было одного места, местом были они, только вместе, но не в месте. Безбытность была их бытом, бездомность их домом. Хотя Мандельштаму и платили за переводы и прочую работу, это был быт разночинца, очищенный до прозрачности, до святой кельи культуры. Сорок два года она прожила без него, спасая стихи. И. Бродский как-то упомянул, что она была не столько вдовой Мандельштама, сколько вдовой стихов и даже вдовой культуры. «Осип любил Надю невероятно, неправдоподобно» (Ахматова).

Куст бузины был воспеваем Клейстом и Э.Т.А. Гофманом. В «Золотом горшке: сказке новых времен» студент Ансельм под кустом бузины слышит, а затем видит зелено-золотых змеек, дочерей архивариуса. В одну из них, Серпентину, он влюбляется. Магический шепот, хрустальный звон прозрачных колокольчиков и шорох листьев бузины вызвал галлюцинацию на пределе с любовным опьянением. Это и есть действие жидкости, ликера, чистой слезы, которая только и оплачет прошедшее. Слеза навсегда меняет страницу, несколько слез навсегда меняют общую судьбу.

Первый арест Осипа Эмильевича был 16 мая 1934 года. Внутри его гибкая ива гнулась и гнулась. Говорят, в Чердыни он бегал по улицам и разыскивал труп Ахматовой, а «арки в честь челюскинцев считал поставленными в честь своего приезда» [Мандельштам, 1993, т. 1: 25].

Здесь отвратительные жабы
В густую прыгают траву.
Когда б не смерть, то никогда бы
Мне не узнать, что я живу

[там же: 36].

Второй арест свершился в мае 1938 года. Осип Эмильевич умер в пересыльном лагере под Владивостоком. Он жил, потому что рядом с ним всегда была его «Надинька». Внимательная и молчаливая при нем, острая на язык без него, сама она стала писать в 60 лет. Города, в которых она жила, преподавала, переводила, работала, получала новые удостоверения об образовании: Калинин, Ульяновск, Чита, Чебоксары. На прядильной фабрике она заправляла станки, проверяя на память его заученные стихотворения. Еще не время их записывать. Еще не время их публиковать. Время их помнить и хранить. Сверка своей судьбы по заплаканным ивам и плачущим страницам, сверка по страницам, скрижалям личной памяти судьбы всей страны. «Она

совершила подвиг, сохранив в памяти все неопубликованные стихи Мандельштама и заслужила вечную благодарность русских читателей», — писал С. И. Липкин [там же: 26].

Сегодня дурной день:
Кузнечиков хор спит,
И сумрачных скал сень —
Мрачней гробовых плит
[там же: 67].

Надежда Яковлевна стала бузиной, что сохраняет покой и прикрывает в тени душу великого Щелкунчика. Она сохранила. Его речь. Его пряный вкус беды. Его крепкую ивовую арку победы.

Мережковский был лавр. Переводчик «Дафниса и Хлои» чувствовал равно пронзительно и слово, и плач. Дафна, голос мужской и женский, надрывный плач, преследование Аполлоном. Невозможность до конца принадлежать ни миру природы, ни миру культуры. Надлом — листья лавра ломкие, а ветки хлещут, хлесткие как публицистика. Золотой лавр не перестает быть хрупким, рвущимся как черновик. Лавр капризен при пересадке, но не сопротивляется эмиграции. Если воскурить его листья, этот запах изгонит паразитов, а если просто оставить в покое, то он вечно зеленеет и плодоносит. Корешки дореволюционного полного собрания Мережковского синеватые, как дым лавра. Это Мережковский.

Ее русалочьи глаза и золотистые волосы пленили Дмитрия Сергеевича. Водяная лилия — цветок Русалок. У этого лунно-голубого цветка, распускающегося в грязной воде, нет стебля. Листья и цветы растут из корневища. В год их встречи, 1889, лилия расцвела сразу. Никаких сомнений и долго тянущихся стеблей. 52 года вместе. Их никто не тянул. Они их проживали вместе, как отец Пафнутий с Русалкой, без детей и трагедий, они «делали попытки пробудить новое религиозное сознание» [Гиппиус, 2008: 7], понимая любовь как «воскрешение личности, слияние с Божественным началом и преодоление смерти» [там же].

Любовь к Богу возможна была для Зинаиды Николаевны Гиппиус только через любимого человека. Согласно североамериканскому мифу, лилия рождается из искры встречи Полярной и Вечерней звезды. Это были Мережковские, две звезды, искрящиеся лилиями в омуте.

Во время войны и революции Гиппиус вела «Петербургский дневник». В Петрограде Мережковские жили на Сергиевской улице, что напротив Таврического дворца, в котором заседала Государственная дума. Их квартира была одной из точек кипения, что сложились в единую пунктирную линию, которая их же с исторических карт России вытеснила. Одновременно редакция и театр, театр, сжавшийся до бутона страсти к знанию, редакция, расширенная до мировых новостей, но при этом чуждая партийности, в отличие от квартиры Горького на Кронверкском или какой-то еще кипящей петербургской квартиры. Мережковские эмигрировали 24 декабря 1919 года: «Мглисто-розовым декабрьским вечером, по вымершим улицам со снежными сугробами, на двух извозчичьих санях», — писал Мережковский [там же: 131]. Острее отъезд описала Зинаида Николаевна:

До самой смерти... Кто бы мог думать?
 (Санки у подъезда. Вечер, снег.)
 Знаю, знаю, но как было думать,
 Что это до смерти? Совсем? Навек?

Молчите, молчите, не надо надежды.
 (Вечер, ветер, снег, дома.)
 Но кто бы мог подумать, что нет надежды...
 (Санки. Вечер. Ветер. Тьма.)

(1935)

Они больше не вернулись в Россию. Польша и Франция. Они создали Религиозно-философское общество. Их купленная на европейские гонорары за успешные исторические романы Мережковского квартира в Париже позволила встречи с Бунинным, Шмелевым, Бердяевым, Шестовым. С 1926 г. Мережковские организуют литературно-философское общество «Зеленая лампа». Первое собрание состоялось 5 февраля 1927 года: «У собраний был свой строгий ритуал. Мережковский, Гиппиус и председательствующий Георгий Иванов с очередным докладчиком выходили на сцену из-за кулис и размещались по установленным раз и навсегда порядкам за большим столом, покрытым зеленым сукном» [там же: 171]. Лилии — цветы ночи:

Свет вечерний лучи бросает
 Сквозь кровавый шелк на листья...
 Тело нежное оживает —
 Пробудились злые цветы.

(1894)

Когда у Зинаиды Николаевны отнялась правая рука, она сказала: «Это от того, что Дмитрий Сергеевич, гуляя, всегда опирался на мою руку». Так, с гордостью освятив свои страдания, объясняла Гиппиус Надежде Тэффи. Удивительно, как яркая, колкая женщина Зинаида Николаевна, позволившая себе упреки даже в сторону государя Сербии Александра за то, что тот стал забывать русский язык, благоговела перед Лавром, что обвенчал и увенчал сразу две головы: мужа и жены. М. Вишняк считал Гиппиус отраженным от Мережковского светом, но вероятнее сказать, что света было два: лунный Зинаиды и солнечный Дмитрия.

Их критиковали, много, художественно, идеологически, нравственно, но они писали и далее собирали у себя дома литературный цвет, «Маков цвет».

В 1943—1944 гг., словно в предчувствии кончины 9 сентября 1945 г., она писала посмертную книгу о Дмитрие Сергеевиче, начинавшуюся так: «Париж, 3 июня 1943, Вознесение... Все жены людей, более или менее замечательных, писали свои о них воспоминания, печатали письма... Трудно мне писать воспоминания, делаю это из чувства долга...» [Гиппиус, 2017: 17]. Гиппиус писала о разности характеров и нравов, но как свет лунный и солнечный, эта разность вырастала в гармонию интересов: «Мы с Д.С. так же различались по природе, как различны были наши биографии до начала совместной жизни» [там же: 48]. Совместная жизнь 52 года дала Зинаиде Николаевне пульс, дыхание. Книга о Мережковском заканчивается: «А так как Д.С. и я, мы были и в начале, и в конце, и всегда «за интервенцию», — то мы этой беседе и не продолжали» [там же: 294]. Они эту беседу и не закончили.

Последнее стихотворение самой Русалки, уходящей в лунное море, звучало как шелест, где уже нет водной тяжести, но только сухой лист свидетельства, и это свидетельство сильнее любого цветника и любого гербария в мире:

По лестнице... Ступени все воздушней.
Бегут наверх иль вниз — не все ль равно!
И с каждым шагом сердце равнодушной:
И все, что было, — было так давно...
(1945)

Лилия захлопнулась. У нее не было своего стебля, стеблем был Мережковский. Дмитрий Сергеевич. Она была воздушной, как белевский зефир, кружева города, в котором родилась. Она была прямой и прямодушной. Она не только все слышала, как Мережковский, но и все заранее знала.

Список источников

- Бабель И. Э.* Сочинения. Т. 1. М.: Художественная литература, 1991. 477 с.
Бердяева Л. Ю. Профессия: жена философа. М.: Молодая гвардия, 2002. 262 с.
Бибихин В. В. Свое, собственное // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 71 — 81.
Булгакова Е. С. Дневники. М.: Издательство Книжная палата, 1990. 400 с.
Гиппиус З. Н. Ничего не боюсь. М.: ПрозайК, 2017. 683 с.
З. Н. Гиппиус: pro et contra. Личность и творчество Зинаиды Гиппиус в оценке современников и исследователей: антология. СПб.: Издательство РХГА, 2008. 1038 с.
Кушлина О. Б. От слова к запаху: русская литература, прочитанная носом // Новое литературное обозрение. 2000. № 3. С. 102 — 109.
Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. М.: Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.
Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: в 4 т. М.: АртБизнес Наука, 1993. 607 с.
Мардер М. Растения философов: интеллектуальный гербарий. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025. 288 с.

References

- Babel', I. E. (1991) *Sochineniia* [Works], vol. 1, Moscow: Khudozhestvennaia literatura.
Berdiaeva, L. Yu. (2002) *Professii: zhena filosofa* [Profession: philosopher's wife], Moscow: Molodaia gvardiia.
Bibikhin, V. V. (1997) «Svoë, sobstvennoe» [«One's Own, Proper»], *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 71 — 81.
Bulgakova, E. S. (1990) *Dnevniki* [Diaries], Moscow: Izdatel'stvo Knizhnaia palata.
Gippius, Z. N. (2017) *Nichego ne boiūs* [I'm not afraid of anything], Moscow: Prozaik.
Z. N. Gippius: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Zinaidy Gippius v otsenke sovremennikov i issledovatelei: antologiia (2008) [Z. N. Gippius: Pro et Contra. The personality and work of Zinaida Gippius as assessed by contemporaries and researchers: Anthology], St. Petersburg: Izdatel'stvo RKhGA.
Kushlina, O. B. (2000) *Ot slova k zapakhu: Russkaia literatura, pročitannaia nosom* [From word to smell: russian literature read through the nose], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3, pp. 102 — 109.
McLuhan, M. (2003) *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniia cheloveka* [Understanding Media: the extensions of man], transl. from English by V. Nikolaev, Moscow; Zhukovskii: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole.

Marder, M. (2025) *Rasteniia filosofov: intellektual'nyĭ gerbariĭ* [The Philosopher's plants: an intellectual herbarium], Moscow: Ad Marginem Press.

Mandel'stam, O. E. (1993) *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works in 4 volumes], Moscow: ArtBiznes Nauka.

Статья поступила в редакцию 22.11.2025; одобрена после рецензирования 27.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 22.11.2025; approved after reviewing 27.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Марков Александр Викторович — доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, markovius@gmail.com (Dr. Sc. (Philology), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).

Штайн Оксана Александровна — кандидат философских наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, shtaynshtayn@gmail.com (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation).